

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.44.56>

РАННИЕ РАБАТЫ-КАРАВАНСАРАИ БУХАРЫ НА ГРАНИЦАХ КОЧЕВОЙ СТЕПИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ПАЙКЕНД)

© 2022 г. С.Д. Мирзаахмедов

Статья посвящена истокам возникновения и строительных традиций одного из ведущих направлений ранней исламской архитектуры рабатов-каравансараяев. Возникнув на рубеже раннего и развитого средневековья, полностью выполненные, ещё в сырце, они вобрали в себя строительные традиции предшествующей предисламской и новой зарождающейся классической средневековой архитектуры. Впервые Рабаты были построены в качестве военно-оборонительных постоянных дворов на важных стратегических пунктах и торговых артериях для противодействия набегам ещё не исламизированных кочевых племён. С середины IX в. со строительством Оазисной стены Бухары и возведением массы Рабатов на границах кочевой степи, исламизацией самих кочевников, военная функция их отпала и они превращаются в обслуживающие торговые артерии каравансарай-гостиницы.

Ключевые слова: археология, Бухара, Пайкенд, ислам, кочевая степь, рабаты-каравансарай, архитектура, традиции.

EARLY RABAT-CARAVANSARAIS OF BUKHARA AT THE BORDERS OF THE NOMAD STEPPE (BASED ON PAIKEND SETTLEMENT MATERIALS)

S.D. Mirzaakhmedov

The paper addresses the origins and building traditions of one of the leading directions of early Islamic architecture, rabat-caravansarais. Having arisen at the turn of the Early and Middle Middle Ages, fully completed, still in the adobe, they absorbed the building traditions of the previous pre-Islamic and new emerging classical feudal architecture. For the first time, Rabats were built as military-defensive inns at important strategic points and trade arteries to counter the raids of not yet Islamized nomadic tribes. From the middle of the ninth century, with the construction of the Oasis Wall of Bukhara, the building of numerous Rabats on the borders of the nomadic steppe and the Islamization of the nomads themselves, their military function disappeared and they were turning into caravanserai-hotels serving the trade arteries.

Keywords: archaeology, Bukhara, Paikend, Islam, nomadic steppe, caravanserais, architecture, traditions.

Интересным направлением в истории ранней исламской архитектуры, материалы которых основаны на результатах археологических раскопок последних десятилетий, связано с истоками формирования одного из ведущих направлений в монументальном и жилом зодчестве Центральной Азии, рабатах-каравансараях. Некогда, они в большом количестве, располагались на приграничных зонах исламского мира, в городах и пригородах, сельских центрах и безводных пустынных зонах, в той или иной степени, связанных с большими или малыми трансконтинентальными и региональными торговыми маршрутами.

Впервые причиной строительства, получивших распространение с VIII века рабатов, было связано с завоеванием Средней Азии Арабским халифатом, явившейся причиной ожесточенной борьбы местных народов за свою независимость и, с переменным

успехом, растянувшейся почти на столетие. Исключительному накалу противостояния в военной конфронтации придавала и особая, совершенно чуждая местному менталитету форма политики завоевателей. Располагаясь по центру континента, Средняя Азия на протяжении многих столетий играла роль не только торгового, но и этно-миграционного коридора для прохождения и оседания здесь преимущественно, кочевого населения. Ранее номады, чаще всего ограничивались собиранием дани, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь местного оседло-земледельческого населения, хотя воспринимая ее высокую культуру, идеологию и постепенно ассимилируясь с ней.

Арабские же завоеватели принесли с собой и принудительно внедряли экономическими и прокламативными мерами свою новую идеологию, мировую религию – ислам и, связанный с этим, совершенно новый образ мышления. Это поведение в быту, изменение

менталитета, государственного языка халифата – арабского, а затем и внедрение ираноязычными клиентами (мавали) завоевателей, западноиранского языка фарси-дари. При этом проводилось беспощадное истребление приверженцев старой идеологии, носителей зороастрийской культуры, литературы, принудительное расселение в частные жилища горожан и надзор за их новым вероисповеданием со стороны военных и административных членов титульной арабской диаспоры. Эти меры привели впоследствии, к конфронтации и столкновениям вновь исламизированного городского населения с ещё не исламизированным сельским или, чуть позже, жителей исламизированных оазисов с ещё не исламизированной кочевой степью. Подобные процессы, в каком-то аспекте, гражданских войн, особенно хорошо прослеживаются на рубеже 70–80-х гг. VIII века, при восстании против арабов Муканны и привлеченных последним, для набегов на исламизирующиеся оазисы неисламизированных кочевников тюрков. По данным источников, именно с этого периода и были приняты со стороны арабских наместников в Хорасане акты по масштабному строительству или, скорее, восстановлению давно разрушенных, грандиозных оазисных стен. Наиболее ярко это прослеживается по оазисной стене Бухары «Кампыр девор», охватившей значительную часть (15 из 22) компактно расположенных рустаков региона. В тех же случаях, когда отдельные микрооазисы или границы исламизированных территорий были выдвинуты далеко в степь, здесь строились рабаты – военные постоянные дворы для борцов за веру «газиев», задачей которых являлось несение службы по противодействию и защите городов и селений от набегов кочевников. Часто строились подобные рабаты по большим и малым торговым транспортным артериям, по которым проходили и военные отряды, несла почтовая служба, доставлялся провиант и оружие. Более конкретно, впервые об их сооружении, на границах с кочевой степью связывается с наместником Хорасана Ашрасом ибн – Абдаллахом ас-Сулами (727–729 гг.). Рабаты представляли собой сторожевые посты, введённые в систему укрепленной стены против кочевников, или самостоятельные укрепления, отстоявшие на определённом расстоянии друг от друга (Бартольд, 1963, Т. I, с. 247; Якубовский, 1950, с. 169).

Конкретизируя вопрос А.Ю. Якубовский писал: «Под последним (рабаты – М.Д.) нельзя, конечно, понимать то, чем рабаты

сделались впоследствии, а именно большие караван-сарай, превращающиеся в правильно функционирующие поселения базарного типа, а то, чем они были в первые века ислама, т.е. укрепленные поселения, имеющие, однако, задачей не только защиту от возможных нападений врага, но и торговлю с ними в периоды, когда отношения носили мирный характер. Рабаты этого типа в подавляющем числе случаев устраивались на границе со степью, где они и носили специфический военно-торговый характер. Один только взгляд на карту селений, идущих параллельно Кампыр Дувалу, один только перечень имен, среди которых так часты окончания на рабат (Хамрабат, Буда-к-рабат и т.д.), показывают, как много в систему укреплений Кампыр-Дувала включено было рабатов» (Якубовский, 1940а. с. 147).

С середины IX века, с постепенной исламизацией края, надобность в военном предназначении подобных сооружений начала отпадать и рабаты, обычно располагавшиеся на стратегически и географически важных участках транспортных артерий, стали превращаться в постоянные дворы – каравансарай.

Посвященные выдвинутым проблемам вопросы регулярного изучения оазисных стен Узбекистана и, в частности, «Кампыр девор» в Бухаре, были начаты с 30-х годов прошлого столетия в составе Заравшанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, ИИМК и Узкомстариса под руководством А.Ю. Якубовского (Якубовский, 1940а) и сотрудником экспедиции В.А. Шишкиным (Археология Центральной Азии..., 2015, с. 29–45). Затем, с конца 50-х годов, широкие исследования в этом плане продолжены Х. Мухамедовым (Мухамедов, 1961), В.А. Шишкиным (Шишкин, 1963) и активно продолжают в последние годы (Штарк, Мирзаахмедов, 2015).

Еще больших результатов достигли исследования сотрудников Института, в последние десятилетия, в плане изучения рабатов-каравансараяев. Благоприятным фактором для этого послужило вскрытие наиболее раннего для исламской эпохи Средней Азии рабата, построенного в конце VIII – начале IX века в восточном пригороде городища Пайкенд Бухарского оазиса (Мухамеджанов и др. 1988, с. 113–147). Не вызывает сомнения и интерпретация объекта, т.к. по данным исторических источников в пригородах Пайкенда располагалось огромное количество рабатов. В частности, в X веке историк Бухары Мухам-

мад Наршахи отмечал: «До 854/5 г. у ворот Пайкенда, по числу селений в Бухаре было построено более тысячи рабатов. В зимнее время, когда наступала пора набегов кочевников-кафиров, для противодействия им, здесь собирались отряды из газиев и жители каждого селения размещались в своих рабатах» (Наршахи, 1966. с. 24). У Истахри и в анонимном источнике «Худуд ал-Алам» приводится такая же цифра рабатов, а Мукаддаси уже отмечает, что большинство из них уже лежали в развалинах. Более подробно останавливается на них Самани отмечая, что в нем было три тысячи рабатов завоевателей, остатки которых он видел сам и встретил там только несколько туркменских семей, живших в рабате (Камалиддинов, 1993, с. 13).

Безусловно, представленные в источниках цифры рабатов завышены, но, тем не менее, они свидетельствуют о необычно большом количестве постоянных дворов, не характерных ни для какого другого города Средней Азии. Наличие подобных цифр, видимо, также объясняется узловой военно-стратегической и торговой ролью Пайкенда, располагавшегося вне оазисных стен Бухары, далеко выдвинутого в степь, крупного пограничного города, связывавшего Мавераннахр – одну из крупнейших житниц Халифата – с резиденцией правителя Хорасана в Мерве.

Много споров среди исследователей вызывают также относящиеся к этой проблеме и приведенные выше отрывки из «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи по поводу конкретного противостояния и сезонного времени набегов кочевников в зимний период, получившие в целом, завершение к 854/5 гг. По нашему мнению, данные ан-Наршахи о конкретной дате завершения конфронтации между кочевой степью и земледельцами оазисов к 854/5 г., видимо, имело под собой определенное, пока не выявленное событие, положившее, в основном, конец постоянным угрозам набегов.

Вместе с тем, решение этой проблемы к середине IX в., совершенно определенно, вытекает из сложившейся в Мавераннахре военно-политической обстановки. В эти годы здесь уже были давно завершены масштабные работы по строительству оазисной стены «Кампир девор» и многочисленных рабатов в округе Пайкенда, что, в значительной степени, усложняло, ставило под сомнение, результативность подобных набегов. Также, к середине IX в. семейное наместничество Саманидских правителей внутри Маверан-

нахра приняло совершенно определенную форму централизованного государства, которое было в состоянии принять адекватные или, как это делалось ими и их сюзеренами Тахиридами уже с первой половины IX в., превентивные меры военных походов на саму кочевую степь.

Третьим существенным обстоятельством являлось принявшее необратимые последствия исламизация как самих оазисов, так и их начало в кочевой степи, которая наряду с вышеприведенными факторами снимала как моральные, так и военно-политические предпосылки подобной конфронтации.

В отношении зимнего периода опасности набегов, большинство авторов, касавшихся этого интересного отрывка, к сожалению, не пытались конкретизировать его причины. Наши попытки объяснить их зимнюю сезонность непроходимостью песков Кызылкум для больших контингентов войск в летний период, опровергались отдельными исследователями тем, что в этот период кочевники вполне утилитарно стремились к захвату осеннего урожая и, прежде всего, очень ценного номадами хлеба (Мирзаахмедов, 1994, с. 223). О зимней конфронтации между кочевниками-огузами и Хорезмом, для середины X в., пишет и Бируни: «...с наступлением холодов цари Хорезма отгоняли тюрков-огузов от своих границ, охраняя от них окраины своих стран (Ал-Бируни, 1957, с. 257). Несколько шире на этом останавливается С.П. Толстов: «Война с огузами – это явление повседневного быта Хорезмийцев X в. – закрепляются традиционными обычаями и даже обрядами. Бируни описывает хорезмийский праздник Фагбурия – «выход царя», справлявшийся с наступлением холодов, когда царь Хорезма выступал из своей резиденции в традиционную зимнюю кампанию против огузов, отбрасывая их от своих границ (Толстов, 1948, с. 244).

Для решения вопроса нами были проанализированы исторические и этнографические источники, позволившие сделать ряд следующих выводов:

1. В исследуемый период, по данным письменных хроник, низовья Сырдарьи являлись местом зимовки многочисленных племен кочевников. Здесь же находилась и их столица – город Янгикент.

2. По нашим предположениям, не менее значимым местом зимовок кочевников могло являться расположенное к юго-западу от города и протянувшееся на значительное расстояние

яние, огромное Пайкендское озеро «Баргини Фаррох» или «Каракуль». Сюда стекались все остаточные воды рек Зарафшана и Кашкадарья и озеро достигало в ширину, по данным источников, чуть ли не двадцати фарсахов. Все его окрестности проросли густыми тугайными зарослями с большим количеством хищных и диких животных, пернатых и рыб, являясь непревзойденным для всего Хорасана местом охоты и улова (Наршахи, 1966, с. 25). Эти близкие к Пайкенду места с густой растительностью, раскинувшейся на значительные пространства, несомненно, являлись идеальными стойбищами для зимовок кочевников, представлявших непосредственную угрозу в этот период года.

3. Вместе с тем, для того, чтобы прокормить свой основной хозяйственный сектор - поголовье скота, кочевые племена постоянно находились в строго определенном по времени и территориально движении. По мере наступления летней жары и выгорания трав они на сотни километров удалялись на север, северо-восток или северо-запад, а по мере наступления холодов и снежного покрова возвращались к местам зимних стоянок, более теплым или умеренным. К тому же, главным фактором жизнедеятельности и обоюдно необходимейших взаимосвязей между кочевой степью и земледельцами оазисов являлся сбыт кочевниками лишнего приплода скота, который невозможно было прокормить зимой. Для земледельцев же это была возможность широкого обмена своей ремесленной продукции (прежде всего текстиля, металлических изделий), а также муки, масла и сухофруктов на дешевейшее мясо (скот) и сырье для ремесла (кожи, шерсть и т.д.). Исходя из этих экономически взаимосвязанных предпосылок длительная конфронтация между этими двумя главными взаимозависимыми формами хозяйствования была просто невозможна.

4. Следуя вышеприведенным данным, можно предполагать, что начиная от поздней осени и до ранней весны, относительно свободные от постоянного передвижения кочевники, при наличии конфликтных ситуаций, могли представлять реальную угрозу для земледельческих оазисов Средней Азии.

5. В летний же период больших кочевых групп здесь не было: полностью выгоравшая пустыня была практически не проходима, а по караванным маршрутам такие набеги из-за ограниченного количества воды в колодцах, которые не были рассчитаны на прохождение больших армейских подразделений и, несо-

мненно, существовавшей системы сигнализации, вряд ли имели бы успех.

6. В противоположность лету, зимой пустыня была покрыта снегом или ранней весной и поздней осенью стоками дождевой и талой воды в многочисленных такырных углублениях рельефа. Песчаная же поверхность пустыни, в этот период, покрывалась твердой замершей корочкой, позволявшей всадникам легко передвигаться по ней. Это же позволяло кочевникам, при набегах поздней осенью, зимой и ранней весной совершенно беспрепятственно достигать любой точки оазиса кратчайшим путем, создавая реальную угрозу оазисам (Мирзаахмедов, 1994, с. 223–224; Мирзаахмедов Д., Мирзаахмедов, с. 2013).

Таким образом, приведенные выше данные полностью объясняют ранее непонятные узловые, спорные вопросы интерпретации сведений источников. Также становится понятным нежелание оставаться в Согде на зиму, в период военных компаний, отдельных полководцев с войском, не имея прочной социальной базы среди местного населения, в первые годы завоевательной политики. Это было, безусловно, связано с той огромной поддержкой, которую могла оказать союзная кочевая степь оазисам Средней Азии в зимний период и ранней весной.

Также не случайно, что все наиболее крупные передвижения войск через пустыню, с целью завоевания Средней Азии или из Средней Азии приходились на раннюю весну и позднюю осень. Примерами могут послужить походы Александра Македонского, завоевания Халифата, Чингиз хана, Амира Тимура и т.д. Поэтому, нередко, запаздывавшие с выступлением войска при переходе через пустыню оказывались в тяжёлом положении и не только из-за недостаточности воды для армии, но и воды и фуража для лошадей и вьючного скота.

Именно по этим причинам, против кочевников тюрок, начиная с 783 и по 830-е годы ведется возведение и реконструкция монументальной стены «Кампир девор», окружавшей Бухарский оазис, а Пайкенд далеко выдвинутый в степь, становится одним из основных форпостов борьбы с кочевой степью в зимний период и здесь строится огромное количество рабатов (Мирзаахмедов, 1994, с. 226).

Уже первые глазомерные съёмки восточной части пригорода Пайкенда, проведенные в 1939 г. сотрудником Зарафшанской археологической экспедиции В.А. Шишкиным позволили обнаружить большое количество четко спланированных прямоугольных сооружений

расположенных вдоль улиц к югу и на восток от городища (Якубовский, 1940б, с. 61–62). В 80-е годы работа по исследованию рабатов в восточном пригороде городища была продолжена сотрудниками Института археологии АН РУз. Было выявлено около двадцати сооружений подобного рода, снят план и проставлена нумерация. Учитывая, что подобные объекты являются основным типом построек пригородной зоны на одном из них – Рабате 1, расположенному к востоку, были начаты стационарные раскопки (рис. 1).

Рабат-1 являлся наиболее возвышенным сооружением данного массива, подквадратной формы, размерами 74x74 м, вершины углов которого с небольшим отклонением были ориентированы по сторонам света. Центральное пространство занимал внутренний двор. По всему периметру к внутреннему фасаду обводной стены пристраивались помещения в гребенчатой планировке. Углы памятника оформлены в виде круглых выступающих башен с диаметром у основания 3,3 м (Мухамеджанов и др. 1988. с. 113–116). По керамическим, нумизматическим материалам и данным источников строительство рабата приходится на конец VIII – начало IX века, а обживание заканчивается к середине-третьей четверти X в. Его особенность, как и всех выделенных здесь объектов подобного рода, заключается в том, что они были полностью построены по старым доисламским традициям раннего средневековья, из сырцового прямоугольного кирпича когда еще саманидский квадратный плоский жжёный стандарт не вошёл массово в монументальную мемориальную и гражданскую архитектуру.

К новаторским инновационным архитектурным особенностям Рабата-1 можно отнести четко спланированные по центральной оси большие и малые ворота (пом. 62, 33). К тому же большие ворота располагали самым ранним для сырцовой архитектуры эпохи выдвинутым порталом, выходящим на основную линию торговой магистрали из Пайкенда в Бухару, видимо, предназначаясь также для въезда, погрузки и разгрузки караванов. Малые ворота, безусловно, имели служебный характер, предназначаясь, прежде всего, для хозяйственных целей, располагавшихся на этом противоположном отсеке кухонных, складских, конюшенных и ряда помещений, предположительно, хозяина рабата.

Впервые для ранней сырцовой архитектуры фиксируется классический гостиничный характер планировки, выделяющийся по е

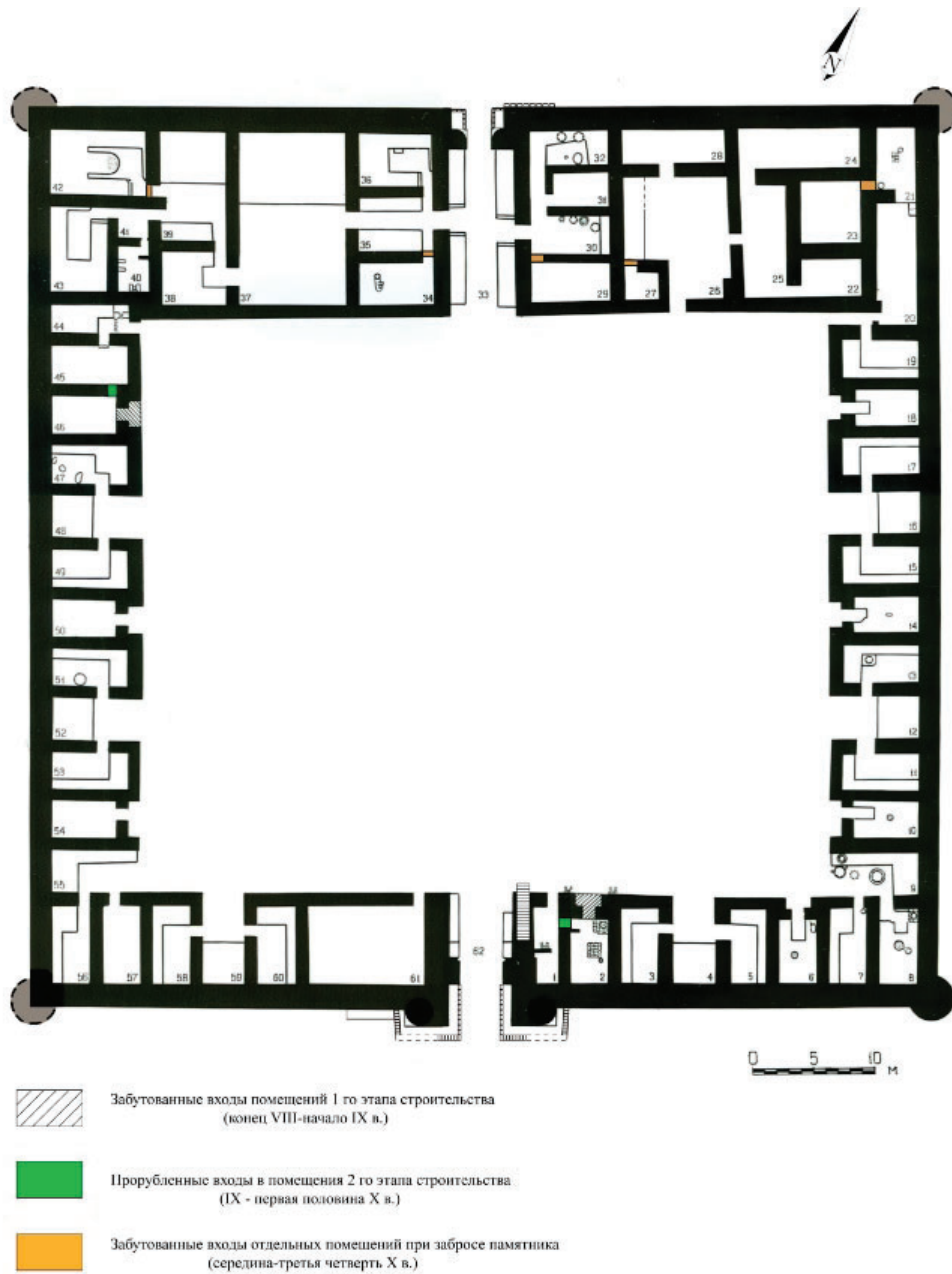
южному восточному и западному внутреннему интерьеру, четким чередованием трехкомнатных (пом. 3–5, 11–13, 15–17, 47–49, 51–53, 58–60) и однокомнатных секций (пом. 2, 6, 10, 14, 18, 46, 50, 54), выходящих на широкий прямоугольный двор. В боковых отсеках трехкомнатных секций имелись узкие суфы-лежанки для отдыха и, широкая суфа в центральном открытом айванном помещении, для коллективного принятия пищи и времяпровождения людей, занимавших данную секцию. В однокомнатных секциях, безусловно, удобных для запираения, сразу за небольшой линией тамбурного прохода, располагалось невысокое, на всю площадь помещения, суфообразное возвышение, очень удобное для индивидуального или коллективного проживания, а также складирования товаров.

Всю северную линию интерьера рабата занимали два-три ряда помещений, носивших обслуживающий специфический кухонный (пом. 29–32), складской, конюшенный или загонный для скота (пом. 20–27), большого помещения для общих собраний (пом. 37), а также ряд помещений, где проживала семья хозяина или военного главы сообщества (пом. 38–43).

Интересной особенностью памятника являлось и расположение с правой стороны от центральных ворот – через стенку, прямоугольного помещения мечети (пом. 61), а в наиболее глубинном северо-западном углу отсека хозяина рабата, в окружении периметра суф, в центре помещения, подковообразного возвышения с округлыми следами длительного горения по верху (пом. 42). Весь отсек хозяина и, в особенности, угловое помещение со специфической подковообразной тумбой, были хорошо оштукатурены ганчевой обмазкой (пом. 38–43).

Следы ганчевой штукатурки в мечети практически не сохранились кроме её юго-западного угла, где должна была располагаться михрабная ниша. К сожалению, это место было сильно разрушено поздней могильной ямой. Тем не менее, расположение нестандартного помещения справа от главного входа, следы обмазки ганчевой штукатуркой в юго-западном углу, где должен был располагаться михраб, а также на основе параллелей, почти более поздним каравансараям, подтверждает его специфический характер назначения (Хмельницкий, 1992, с. 181).

В отличие от мечети, характерное подковообразное возвышение в углу северо-западного отсека хозяина рабата (пом. 42) находит

Пайкенд. Рабат 1. Общая планировка помещений 1-2 го этапа строительства с элементами реконструкции

Рис. 1. Пайкенд. Рабат 1. Общая планировка помещений 1–2 го этапа строительства с элементами реконструкции

Fig. 1. Paikend. Rabat 1. General layout of the rooms of the 1st–2nd stages of construction with reconstruction elements

прямые аналогии в доисламской культовой архитектуре дворцов, парадных помещений замков и обычных усадеб Бухарского Согда, связываясь с зороастрийской традицией возжигания священного огня (Мухамеджанов и др., 1988, с. 140–141).

Ранее мы отмечали, что пока нет полной уверенности о языческо-культовом назначении этого помещения, однако как письменные источники (Наршахи, 1966, с. 26) так и материалы археологии (Вишневецкая, Рапопорт, 1979, с. 105–110) указывают на многочис-

ленные факты обрядов, связанных с культом огня, даже в X в. (Мухамеджанов и др., 1988, с. 141).

С.Г. Хмельницкий первым обратил внимание на наличие на одном памятнике мечети и «языческой капеллы», связывая это с мутационным периодом в раннеисламской культуре Средней Азии (Хмельницкий, 1992, с. 182). Мы также, во многом склонны к точке зрения исследователя о «мутационном», переходном характере назначения помещения хотя оно к середине X века, вряд ли могло носить клас-

сический языческий характер, как во дворце доисламских царей Бухары – Бухархудатов в их резиденции на Варахше (Шишкин, 1963, с. 58). Полагаем, что здесь, в помещении хозяина или военного предводителя рабата, условно сохранилась традиционная зороастрийская атрибутика, но уже, в основном служа для обогрева парадного помещения, где на первоначальном этапе функционирования памятника, лишь в зимний период собиралось вольное сообщество молодых бойцов из окружающих селений для противодействия набегам кочевников.

Также необходимо положительно отметить, что почти за 150-летний период функционирования, памятник не претерпел существенных перестроек, видимо, выполняя свою главную функцию назначения рабата-каравансарая. Важно подчеркнуть лишь о двух случаях, скорее всего, уже на первоначальном этапе обживания, аккуратного перекрытия и замазки выходящих во двор входов однокомнатных секций № 2 и 46. Здесь были прорублены боковые стенки, имевших целью их превращения в двухкомнатную и трёхкомнатные помещения. В первом случае, располагаясь у ворот, помещения 1 и 2, безусловно, исходя из фиксации здесь душевой-ташнау, сандала для обогрева зимой, кухонного зимнего очага и других особенностей домашнего быта, служила для проживания здесь семьи привратника. Во втором случае, образуя трёхкомнатную секцию (пом. 44–46), с душевой-ташнау и очажными ямами, отсек также мог иметь семейный характер обживания. Археологически фиксируемые, преимущественно, узкие перекрытия входов в помещения 23, 27, 29, 34 и 42 скорее напоминают случаи временного оставления жилья хозяевами, с перспективой на скорое возвращение, но уже не имевшие места.

Также подчеркнём располагавшиеся по верху левой широкой порталной линии стены, поднимавшиеся со двора, слабые остатки глиняного лестничного подъёма, скорее всего, на крышу памятника. Лестничный подъём на крышу, исходя из оборонительного характера первоначальной функции рабата, несомненно, имел важное значение при его защите от набегов кочевников осуществлявшейся по верху линии стен. На втором, мирном этапе функционирования памятника как караван-сарая, по этнографическим данным, в знойный летний период все его обитатели могли по лестнице, перебираться отдыхать ночью на крышу. Это

объяснялось, во-первых, ночной прохладой на крышах, в отличие от душных непроветриваемых, не остывавших от летней жары помещений. Во-вторых, в условиях средневековья, в худжрах обитало большое количество кровососущих насекомых (вшей, клопов, комаров), которые в значительной степени влияли на качество жизни клиентов постоянного двора. Поэтому забирая на крышу всё постельное бельё и оставляя его под жгучими лучами солнца днём, обитатели караван-сарая способствовали их естественному истреблению, полноценному отдыху в ночной прохладе, таким образом, создавая определённые благоприятные условия жизни при путешествиях.

Исходя из архитектурно-планировочных особенностей памятника полностью выполненного в сырце, мы считаем, что Рабат-1 с самого начала строился с учётом функций не только крепости для газиев, но и караван-сарая. С прекращением в середине IX века набегов кочевников на оазис, эта последняя функция стала ведущей. В целом наличие двух ворот, один из которых был впервые оформлен новаторским для этого периода порталом, строгое чередование однокомнатных и трёхкомнатных секций, присутствие кухонного отсека, складских помещений, конюшни (или загона для скота), мечети – все эти планировочные принципы в период развитого и позднего средневековья получили дальнейшее развитие и классическое завершение не только при строительстве наиболее близких и традиционных по характеру видов монументального зодчества – караван-сарая и медресе, но и отражение планировки трёхкомнатных секций в этнографической массовой сельской жилой архитектуре.

Продолжением работ по данной тематике Пайкендской археологической экспедиции Института археологии явилось изучение следующего Рабата-4 (Р-4), располагавшегося также в восточном пригороде городища. В топографическом плане это также наиболее возвышенное сооружение данного массива, расположенное, как и все окружающие объекты и само городище, на каменистой гряде естественных песчано-известняковых отложений в 170 м. к востоку от цитадели (Материалы Бухарской археологической экспедиции..., 2005, рис. 2). Строители, исходя из топографии рельефа, как и на Рабате 1, подравняв основание и засыпав его углы, построили несколько отклоняющуюся от прямоугольной форму памятника напоминающую параллеле-

Рис. 2. Пайкенд. Рабат 4. Общая планировка помещений 2-го строительного этапа
Fig. 2. Paikend. Rabat 4. General layout of the rooms of the 2nd construction stage

лепипед. Он вытянут вдоль той же торговой трассы, идущей от южных ворот цитадели Пайкенда в сторону Бухары, что и Рабат -1, расположенный в 187 м. далее к востоку (рис. 2).

Центральное пространство Р-4 занимал внутренний двор, уровень поверхности которого был несколько ниже окружающих его по периметру валов обводных стен, с помещениями построенными в традиционной гребенчатой планировке, полностью выложенных из сырцовых кирпичей. Наряду с общей дворовой композицией, выявляется его своеобразная планировка, сочетающая симбиоз приёмов монументального сырцового зодчества предшествующей раннесредневековой и раннеисламской архитектуры данного периода. Уже первые результаты раскопок показали его значительное разрушение опускающимися

ся сверху могильными ямами более позднего мазара, а также на основе археологических материалов два строительных периода обживания памятника.

Первый этап – это строительство объекта и первоначальный период его функционирования, который мы относим с середины IX – по середину X века, после чего рабат-4 забрасывается и приходит в разрушение. Это было связано с процессами сокращения водного баланса главной артерии оазиса реки Зарафшан и постепенного усыхания окраин региона. Второй этап – это значительная перестройка и возобновление обживания Рабата 4 со второй половины XII – по начало XIII в., в предмонгольский период. К этой эпохе, по археологическим материалам, наблюдается частичное восстановление водных протоков и обживания в низовьях Зарафшана. В том

числе и для Рабата-4 расположенного вдоль протока реки, хотя собственно город уже к середине XI в. был покинут жителями и засыпан песками (Сапаров, Торгоев. 2015, с. 244).

На сегодняшний день Рабат-4 полностью вскрыт по верхнему культурному горизонту. Имеет вытянутую по линии запад-восток форму размерами 76×63 м. При этом наиболее сильно застроенной оказалась её западная часть (рис. 2, 3), где за мощной обводной стеной, фиксируются три ряда однокомнатных секций. При этом два первых ряда помещений располагались напротив друг друга, выходя на широкий общий коридор, составляя замкнутый отсек со стандартными, в целом, помещениями гостиничного типа.

Примыкающие к обводной стене первый ряд помещений первого строительного этапа (пом. 25–27) представляли собой стандартные прямоугольные секции с выходом на углу и коленчатым проходом внутрь. Их интерьер состоял из суфообразного возвышения с сандалом в центре и тамбурной перегородкой напротив входа (рис. 2, 3). На втором этапе обживания, помещения расположенные по этой линии южнее (пом. 17–24), были перестроены с выходом по центру. Напротив первой линии располагался второй ряд помещений, состоявший из стандартных четырехугольных секций с выходом по центру, на осевой коридор (пом. 30–39).

Третья линия ряда помещений западного фаса состояла из стандартных однокомнатных прямоугольных секций с плохо сохранившейся открытой восточной, выходящей во двор стороной. На отдельных из них, с восточной стороны, сохранились сильно разрушенные тонкие, на ширину одного кирпича перегородки, с выходами сбоку или по центру помещения (Mirzaakhmedov, 2016, Fig.1,3). Такой же планировочный тип из одного ряда стандартных, прямоугольных однокомнатных гостиничных секций располагавшихся вокруг широкого двора и выходящих к нему проходами имели северный, восточный и южный фасады помещений Рабата-4.

При этом, результаты исследований северного фасада стен Р-4 показали, что на первом хронологическом этапе его планировка состояла из расположенной по центру северного крыла трёхкомнатной секции (пом. 56–58) и отходящих от неё в стороны однокомнатных прямоугольных секций. Последние имели входы на углу (пом. 51–55 и 59) и Г-образную конструкцию суф-лежанок в интерьере помещений (рис. 3).

На втором этапе обживания, весь северный фас стен, как и направленные в сторону двора проходами, в гребенчатой планировке, восточный и южные фасады помещений имели, преимущественно, с выходом по центру характер построек. Это определяется, по лучше сохранившемуся восточному фасаду помещений, где на примере нескольких секций прослеживается форма прохода располагавшегося по центру и, видимо, являвшегося характерным для большинства худжр второго этапа дворового комплекса. Угловые, северо-восточный и юго-восточные отсеки, на первом этапе, представляли собой своеобразные четырёхкомнатные секции (пом. 60–63 и 74–77), основу которых составляли стандартные трёхкомнатные образцы, выделенные выше по фасаду северной стены (пом. 56–58). Для второго этапа, помещения северо-восточного отсека, как и, в целом, помещения северного фаса претерпевают существенные перестройки. Пристраиваются дополнительные стенки, суфы-лежанки, души-ташнау, сандалы, очажные ямы и тандыры для выпечки лепёшек, явно свидетельствуя о семейном характере их обживания в эту эпоху.

Юго-восточный отсек также представлял четырёхкомнатную секцию с большим числом больших и малых очажных ям, тандыров, небольших прямоугольных хранилищ для продуктов, мусорных ям и нескольких ташнау. Безусловно, здесь компактно располагался кухонный отсек рабата.

Далее, по линии южного фаса выявлены остатки с нестандартным для этого периода расположением монументальных ворот на юго-восточной угловой части памятника (рис. 2, пом. 1). Проход имел ширину 3,2 м., фигурную облицовку выстилки полов ёлочкой, из жжёных кирпичей положенных на ребро, а также выступающего портала. Нестандартный характер расположения ворот на юго-восточном углу памятника объясняется целью его максимального приближения к магистральной дорожной трассе Пайкент-Бухара, с облегчением входа во двор и разгрузки –выгрузки товаров.

Справа от портала располагалось большое, подквадратное в плане помещение предполагаемой мечети (рис. 2, пом. 2), исходя как от формы, так и параллелей по предшествующим (Рабат-1) и последующим аналогам (Хмельницкий, 1992. С. 181). Появление и стандартное расположение мечети справа, рядом с воротами, является совершенно новым идеологическим атрибутом в раннеис-

Рис. 3. Пайкенд. Рабат 4. Общая планировка помещений 1 строительного этапа с элементами перестроек 2 строительного этапа

Fig. 3. Paikend. Rabat 4. General layout of the rooms of the 1st construction stage with elements of reconstruction of the 2nd construction stage

ламской монументальной гражданской архитектуре, свидетельствуя о конкретном внедрении ислама в каждодневный домашний быт населения или вдали от него. Интересен был и выбор места расположения мечети у ворот, что было удобно как для обитателей рабата-каравансарая, так и для посетителей, которые могли прийти помолиться с улицы. Показательно также и то, что, в отличие от Рабата-1, построенного столетия спустя Рабате-4, полностью отсутствует доисламская зороастрийская атрибутика «языческой капеллы», убедительно свидетельствуя о последовательных успехах идеологии ислама.

Затем по южному фасу выявлены шесть прямоугольных стандартных однокомнат-

ных секций с остатками плохо сохранившихся входов по центру и занимавшей интерьер сплошной невысокой суфой, полностью соответствуя предшествующим образцам помещений рабата второго этапа строительства в дворово-гребенчатой планировке (рис. 2, пом. 3–8).

Следующие шесть помещений имели также стандартные пропорции, но делились надвое тамбурными стенками – на внутреннюю подквадратную и меньшую прихожую часть, создавая значительно большие удобства при проживании, хранении товаров, при приеме покупателей и гостей (рис. 2, пом. 9–14). Также отметим, что это новый, характерный для верхнего горизонта тип двух-

частных секций. Внутри худжр, вдоль стен, выявлены неширокие суфы, остатки очагов, служивших для обогрева, частично вкопанных в грунт тандыров для выпечки лепёшек и места отдыха на суфах-лежанках. Здесь же отмечены небольшие резервуары со стоком для воды – ташнау, использовавшиеся как душевые или для гигиенического омовения перед молитвой, что также стало новым массовым бытовым атрибутом исламского образа жизни Мавераннахра в эпоху развитого средневековья.

Исходя из полученных материалов можно отметить, что на первом этапе обживания помещения имели, преимущественно, прямоугольные вытянутые формы, с выходом на углу (Мирзаахмедов, 2015, илл. 2). На втором этапе обживания основная часть построек рабата частично перестраивается в помещения с выходом по центру. В свою очередь, наблюдаемые для второго этапа обживания Рабата-4, однотипные, преимущественно, однокомнатные помещения, с большим количеством очажных ям, тандыров, сандалов и ташнау, могут указывать, что их могли занимать, в этот период, семьи ремесленников и мелких торговцев, для которых этот принцип планировки являлся наиболее удобным.

Нам также представляется, что особый интерес объекта определяется двумя этапами его строительства. На первом этапе, его планировка продолжает отражать специфические признаки ранних рабатов-каравансараев, с особым стандартным характером функций постоянного двора, как это мы наблюдаем для Рабата-1. На втором же этапе, уже через двести лет, объект наиболее выпукло подтверждает данные источников этого времени, о заполнении большинства рабатов этой эпохи проживающими и работающими

здесь бедными ремесленниками и торговцами. Завершается последний этап жизни Рабата 4 следами мощного пожара, возможно, являвшегося одним из трагических следствий монгольского нашествия.

Принимая во внимание первоначальный, систематизированный, в своей основе, принцип планировки Рабата-1 и при сравнении его с последующими по времени, двумя этапами строительства Рабата 4, можно утверждать, об их совершенно оригинальных и в то же время близко перекликающихся конструктивных особенностях, о динамике развития архитектурных традиций, а также о возможно большем количестве архитектурно-планировочных форм решения подобных сооружений.

Таким образом, несмотря на разрушение могильными ямами и плохую сохранность отдельных частей памятника, результатами археологических работ последних десятилетий, на городище Пайкенд, стали уникальные для сырцово-архитектуры, строительного искусства и культуры памятника раннего монументального зодчества рабаты - протокаравансарай-гостиницы.

Их планировка оригинальна и пока не имеет аналогов в подобных сооружениях ни в Центральной Азии, ни на Ближнем Востоке. Они являлись исходным звеном в последующем сложении, уже в жёстких образцах, как стандартных форм однокомнатных средневековых и позднесредневековых каравансараяв, так и их близких по конструктивным особенностям – первых университетов – медресе. Также эта планировка прослеживается и в отдельных особенностях этнографической массовой жилой сельской архитектуры широко используемой и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

Ал-Бируни. Памятники минувших поколений. Т. I: Избранные произведения / Перевод и прим. М.А. Салье Ташкент: АН Уз ССР, 1957. 487 с.

Археология Центральной Азии: Архивные материалы. Т. II / Отв. ред. А.Д. Искандерова. Самарканд: МИЦАИ, 2015. 232 с.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1963. С. 4–60.

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе // Этнография и археология Средней Азии / Ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 1979. С. 105–111.

Камалиддинов Ш.С. «Китаб-Ал-Ансаб» Абу Саада Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Самани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993. 210 с.

Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 2 / Отв. ред. Г.Н. Курбанов. Бухара: Бухара, 1994.

Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. 5. Раскопки в Пайкенде в 2003 году. СПб.: ГЭ, 2004.

Мирзаахмедов Д.К., Мирзаахмедов С.Д. К отдельным аспектам строительства первых рабатов-каравансараев в округе городища Пайкенд // *Археология Узбекистана*. 2013. № 2 (7) С. 57–65.

Мирзаахмедов С.Д. Предварительные данные о планировке рабата №4 Пайкенда // *Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье / Труды Государственного Эрмитажа*. Т. LXXV / Отв. ред. А.В. Омельченко, Д.К. Мирзаахмедов. СПб: ГЭ, 2015. С. 278–286.

Мухаммад ан-Наршахий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966.

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент : Фан, 1988. 195 с.

Мухамедов Х. Кадимий мудофаа деворлари (Узбекистоннинг кадимий мудофаа иншоотлари тарихидан). Тошкент, 1961.

Сапаров Н.Ж., Торгоев А.И. Талькохлоритовые изделия Пайкенда IX–XI вв. (К вопросу о ближневосточных влияниях в Мавераннахре) // *Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье / Труды Государственного Эрмитажа*. Т. LXXV / Отв. ред. А.В. Омельченко, Д.К. Мирзаахмедов. СПб: ГЭ, 2015. С. 224–248.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: АН СССР, 1948. 328 с.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига: «Continent», 1992. 344 с.

Шишкин В.А. Варахша. Опыт исторического исследования. М.: АН СССР, 1963. 250 с.

Mirzaakhmedov Sirodzh D. The Ribat-Caravanserai from the Eastern Suburbs of Paykand Archaeological and Historical Aspects // *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 7/2012. Turnhout, Belgium. 2016.

Якубовский А.Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. // *Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа*. Т. II / Ред. А.Ю. Якубовский. Л.: ГЭ, 1940а. С. 113–164.

Якубовский А.Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // *Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа*. Т. II / Ред. А.Ю. Якубовский. Л.: ГЭ, 1940б. С. 51–70.

Якубовский А.Ю. Глава II. Завоевание арабами Средней Азии // *История народов Узбекистана*. Т. I. С древнейших времён до начала XVI века / Ред. С.П. Толстов, В.Ю. Захидов. Ташкент: АН УзССР, 1950. С. 153–173.

Штарк С., Мирзаахмедов Д.К. Первые результаты новых исследований оазисной стены Бухарского Согда «Девор-и Кампирак» // *Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье / Труды Государственного Эрмитажа*. Т. LXXV / Отв. ред. А.В. Омельченко, Д.К. Мирзаахмедов. СПб: ГЭ, 2015. С. 77–99.

Информация об авторе:

Мирзаахмедов Сирожиддин Джамалидинович, младший научный сотрудник, Национальный Центр Археологии Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан); smirzaahmedov@gmail.com

REFERENCES

Al-Biruni. 1957. *Izbrannyye proizvedeniya. I: Pamyatniki minuvshikh pokolenii (Selected Works. I: Monuments of Past Generations)*. Tashkent : Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 33–42 (in Russian)

Iskanderova, A. D. (ed.). 2015. *Arkheologiya Tsentral'noi Azii: Arkhivnye materialy (Archaeology of Central Asia: Archival materials)*. Samarkand: "PICAS" Publ. (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1963. In *Sochineniia (Compositions)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 4–60 (in Russian).

Vishnevskaya, O. A., Rapoport, Yu. A. 1979. In Vinogradov, A. V. (ed.). *Etnografiia i arkheologiya Srednei Azii (Ethnography and Archaeology of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 105–111 (in Russian).

Kamaliddinov, Sh. S. 1993. «*Kitab-Al-Ansab*» Abu Saada Abdalkarima ibn Mukhammada as-Samani kak istochnik po istorii i istorii kul'tury Sredney Azii ("Kitab al-Ansab" ("The Book of Genealogies") by Abu Sa'd Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani as a Source on the History and Cultural History of Central Asia. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Kurbanov, G. N. (ed.) 1994. *Iz istorii kul'turnogo nasledii Bukhary (From the History of Cultural History of Bukhara)* 2. Bukhara: "Bukhara" Publ. (in Russian).

2004. *Materialy Bukharskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Bukhara Archaeological Expedition) 5 (Raskopki v Paykende v 2003 godu (Excavations in Paikend in 2003)*. Saint Petersburg: The State Hermitage (in Russian).

Mirzaakhmedov, D. K., Mirzaakhmedov, S. D. 2013. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)* 7 (2), 57–65 (in Russian).

Mirzaakhmedov, D. K. 2015. In Omel'chenko, A. V., Mirzaakhmedov, D. K. (eds.). *Bukharskiy oazis i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'e* (Bukhara oasis and its neighbours in ancient and Medieval times). Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 75. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 278–286 (in Russian).

Mukhammad an-Narshakhii. 1966. *Bukhoro tarikhi (History of Bukhara)*. Tashkent (in Uzbek).

Mukhamedzhanov, A. R., Mirzaakhmedov, D. K., Adylov, Sh. T., Semenov, G. L. 1988. *Gorodishche Paikend. K probleme izucheniia srednevekovogo goroda Srednei Azii (Paikend Fortifi ed Site: on Studying Central Asian Medieval Town)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian)

Mukhamedov, Kh. 1961. *Kadimiy mudofaa devorlari (Uzbekistonning kadimiy mudofaa inshootlari tarixidan) Ancient defensive walls (from the history of ancient defensive structures of Uzbekistan)*. Tashkent (in Uzbek).

Saparov, N. ZH., Torgoev, A. I. 2015. In Omel'chenko, A. V., Mirzaakhmedov, D. K. (eds.). *Bukharskiy oazis i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'e* (Bukhara oasis and its neighbours in ancient and Medieval times). Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 75. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 224–248 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiiskoi tsivilizatsii (In the Footsteps of the Ancient Khorezm Civilization)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdru arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between Arabs and Turks: Architecture of Central Asia in 9th–10th Centuries)*. Berlin; Riga: "Continent" Publ. (in Russian).

Shishkin, V. A. 1963. *Varakhsha. Opyt istoricheskogo issledovaniia (Varakhsha. Historical Research Experience)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Shtark, S., Mirzaakhmedov, D. K. 2015. In Omel'chenko, A. V., Mirzaakhmedov, D. K. (eds.). *Bukharskiy oazis i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'e* (Bukhara oasis and its neighbours in ancient and Medieval times). Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 75. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 77–99 (in Russian).

Yakubovskii, A. Yu. 1940. In Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Trudy otdela istorii kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of the History of Oriental Culture and Art of the State Hermitage Museum)* II. Leningrad: The State Hermitage, 113–164 (in Russian).

Yakubovskii, A. Yu. 1940. In Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Trudy otdela istorii kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of the History of Oriental Culture and Art of the State Hermitage Museum)* II. Leningrad: The State Hermitage, 51–70 (in Russian).

Yakubovskii, A. Yu. 1950. In Tolstov, S. P., Zakhidov, V. Yu. (eds.). *Istoriya narodov Uzbekistana. T.I. S drevneyshikh vremen do nachala XVI veka (History of the Peoples of the Uzbekistan. Vol. 1. From Ancient Times to the Early 16th Century)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic, 153–173 (in Russian).

Mirzaakhmedov, Sirodzh D. 2016. The Ribat-Caravanserais from the Eastern Suburbs of Paykand Archaeological and Historical Aspects In *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* 7/2012. Turnhout, Belgium.

About the Author:

Mirzaakhmedov Sirozhiddin D. National Center of Archaeology of the Republic of Uzbekistan. M. Ukugbek, str., 81, Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan; smirzaahmedov@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.